

Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Золотарева О.А.

Характеристика репродуктивного поведения населения в Иране и России в период пандемии COVID-19

Институт демографических исследований – обособленное подразделение ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский социологический центр» Российской академии наук, 119333, Москва, Россия

Введение. Актуальным ответом на вызовы пандемии COVID-19, которая негативно повлияла на демографическое развитие стран мира, является поиск новых эффективных механизмов развития демографического потенциала, что не представляется возможным без проведения соответствующего мониторинга.

Цель исследования – анализ тенденций демографических процессов и оценка репродуктивного поведения населения России и Ирана, а также выработка рекомендаций в области мониторинга демографических процессов с учётом необходимости исследования их изменений в результате распространения COVID-19.

Материалы и методы. Статья основана на данных официальной национальной статистики стран (Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и Статистического центра Исламской Республики Иран), международной базы данных Отдела народонаселения Организации Объединённых Наций (ООН), а также социологической информации. Общий период исследования определён с 2000 по 2019 год. Для оценки репродуктивного поведения в России и Иране применялись общие статистические методы анализа данных (например, показатели структуры, динамики, выполнения плана), специальные методы демографической статистики (построение половозрастных пирамид населения, суммарный коэффициент рождаемости), методы социологического исследования (представлены результаты Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие россиян», проведённого с участием авторов в 2019–2020 гг. на территории 10 субъектов Российской Федерации).

Результаты. Приведена оценка тенденций рождаемости в России и Иране, выявлены общие и специфические черты характера и механизмов репродуктивного поведения. Дано обоснование совершенствования направлений и мер демографической политики с учётом оценки её эффективности. В России она была ориентирована на повышение рождаемости, в Иране, наоборот, на её снижение. В обеих странах политика оказалась весьма результативной – в России в 2007–2016 гг. существенно повысились показатели рождаемости по вторым и последующим рождением, в Иране в конце 1980-х – 1990-е гг. снижение рождаемости было одним из самых больших по темпам в мире. Если в Иране рождаемость сейчас близка к уровню простого воспроизводства населения (в 2017 году суммарный коэффициент рождаемости 2,12), то в России, особенно после снижения с 2017 года, она далека от этого уровня.

Заключение. В статье обоснована необходимость совершенствования научного мониторинга демографических последствий пандемии COVID-19.

Ключевые слова: рождаемость; суммарный коэффициент рождаемости; демографическая политика; Россия; Иран

Для цитирования: Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Золотарева О.А. Характеристика репродуктивного поведения населения в Иране и России в период пандемии COVID-19. *Гигиена и санитария*. 2021; 100(10): 1163-1170. <https://doi.org/10.47470/0016-9900-2021-100-10-1163-1170>

Для корреспонденции: Ростовская Тамара Керимовна, доктор социол. наук, профессор, зам. директора по научной работе Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, 119333, Москва. E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Участие авторов: Рязанцев С.В. – концепция и дизайн исследования, написание текста, утверждение окончательного варианта статьи, ответственность за целостность всех частей статьи; Ростовская Т.К. – сбор и обработка материала, написание текста, редактирование, ответственность за целостность всех частей статьи; Золотарева О.А. – сбор и обработка материала, статистическая обработка данных, написание текста, ответственность за целостность всех частей статьи.

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов в связи с публикацией данной статьи.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Поступила 15.07.2021 / Принята к печати 28.09.2021 / Опубликовано 31.10.2021

Sergey V. Ryazantsev, Tamara K. Rostovskaya, Olga A. Zolotareva

Characteristics of the reproductive behaviour of the population in Iran and Russia during the Pandemic period COVID-19

Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 119333, Russian Federation

Introduction. The urgent issue of the challenges of the COVID-19 pandemic, which negatively affected the demographic development of the world's countries, is the search for new effective mechanisms for the development of demographic potential, which is not possible without appropriate justification monitoring data.

The aim of the study is to analyze trends in demographic processes and assess the reproductive behaviour of the population of Russia and Iran, as well as develop recommendations in the field of monitoring demographic processes, taking into account the need to study their changes as a result of the spread of COVID-19, which seems significant for determining effective directions and measures of demographic policy in terms of increasing the birth rate in Russia and Iran in the post-pandemic period.

Materials and methods. The article is based on the data of the official national statistics of the countries (the Federal State Statistics Service of the Russian Federation and the Statistical Center of the Islamic Republic of Iran), the international database of the UN Population Division, and sociological information. The general research period is determined by the boundaries from 2000 to 2019. To assess the determination of reproductive behaviour in Russia and Iran, general statistical methods of data analysis were used (for example, indicators of structure, dynamics, implementation of the plan), unique methods of demographic statistics (construction of age and sex pyramids of the population, total fertility rate, and others), methods of sociological research (results are presented as All-Russian sociological research “Demographic well-being of Russians”, conducted with the participation of the authors in 2019–2020 on the territory of 10 constituent entities of Russia).

Results. An assessment of fertility trends in Russia and Iran is given, general and specific traits of the character and mechanisms of reproductive behaviour are identified. The substantiation of the improvement of directions and measures of demographic policy is given, taking into account the assessment of its effectiveness. In Russia, it was aimed at increasing the birth rate. In Iran, on the contrary, at decreasing it. In both countries, the policy was very effective –

in Russia in 2007–2016, the birth rate for second and subsequent births increased significantly in Iran in the late 1980s–1990s. The decline in fertility was one of the largest in the world. If in Iran the birth rate is now close to the level of simple reproduction of the population (in 2017, the total fertility rate was 2.12), then in Russia, especially after the decline since 2017. In this case, it is far from this level.

Conclusion. The article substantiates the need to improve scientific monitoring of the demographic consequences of the COVID-19 pandemic.

Keywords: fertility; total fertility rate; demographic policy; Russia; Iran

For citation: Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A. Characteristics of the reproductive behaviour of the population in Iran and Russia during the Pandemic period COVID-19. *Gigiena i Sanitariya (Hygiene and Sanitation, Russian journal)*. 2021; 100(10): 1163–1170. <https://doi.org/10.47470/0016-9900-2021-100-10-1163-1170> (In Russ.)

For correspondence: Tamara K. Rostovskaya, MD, PhD, DSci., Professor; Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research of the Federal Center of theoretical and applied sociology, RAS, Moscow, 119333, Russian Federation. E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Information about authors:

Ryazantsev S.V., <https://orcid.org/0000-0001-5306-8875> Rostovskaya T.K., <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>

Zolotareva O.A., <https://orcid.org/0000-0001-7339-7510>

Contribution: Ryazantsev S.V. – the concept and design of the study, writing the text, approval of the final version of the article; Rostovskaya T.K. – collection and processing of material, writing the text, editing; Zolotareva O.A. – collection and processing of material, statistical processing, writing the text. All authors are responsible for the integrity of all parts of the manuscript and approval of the manuscript final version.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Acknowledgement. The study had no sponsorship.

Received: July 15, 2021 / Accepted: September 28, 2021 / Published: October 30, 2021

Введение

Демографические последствия пандемии COVID-19 в России и Иране, имеющих исторические геополитические и социально-экономические связи, требуют не просто дополнительных исследований, а создания устойчивой и научно обоснованной системы мониторинга. В части научного мониторинга демографических последствий пандемии COVID-19 в первую очередь необходимо проанализировать усугубление депопуляции как социального явления, связанного со стабильным сокращением численности населения. Основной научной задачей данного исследования является обоснование необходимости совершенствования научного мониторинга демографических последствий пандемии COVID-19, оценка которых представляется важной в контексте анализа динамики рождаемости, во-первых, для обоснования дальнейшего развития тех направлений и мер, которые способствуют достижению желаемого результата демографического развития, а во-вторых, для уточнения прогнозных гипотез в отношении перспектив изменения рождаемости, основанных на разделении влияния на её динамику долговременных трендов, социально-экономических и иных факторов, специфически характерных для того или иного периода исторического развития, реализации мер демографической политики.

В России и Иране накоплен значительный опыт проведения демографической политики. В этой связи оценка динамики суммарного коэффициента рождаемости как базового индикатора, характеризующего воспроизводство населения, его репродуктивное поведение, перспективы замещения популяции и представляющего основной параметр эффективности реализации государственных инициатив в области демографии, демографической безопасности, становится весьма актуальной [1, 2]. Если в России она была ориентирована на повышение рождаемости, то в Иране, наоборот, на её снижение. В обеих странах политика оказалась весьма результативной – в России в 2007–2016 гг. существенно повысились показатели рождаемости по вторым и последующим рождением, в Иране в конце 1980-х – 1990-е гг. снижение рождаемости было одним из самых больших по темпам в мире. Если в Иране рождаемость сейчас близка к уровню воспроизводства населения (в 2016 году суммарный коэффициент рождаемости 2,11), то в России, особенно после снижения с 2017 года, она далека от этого уровня. Сравнительное исследование детерминации репродуктивного поведения в России и Иране позволило выявить общие черты в ней и специфику проявления в каждой из стран. Это также позволило обосновать важность совершенствования мер демографической политики (особенно для России, так как оценка эффективности проводимой политики, выполнен-

ная на основе основных целевых показателей национального проекта «Демография», не дала должных результатов).

Цель исследования – анализ тенденций демографических процессов и оценка репродуктивного поведения населения России и Ирана, исследования их изменений в результате распространения COVID-19 для определения эффективных направлений и мер демографической политики в России и Иране в постпандемийный период.

Материалы и методы

Исследования детерминации репродуктивного поведения базируются на официальной статистической информации, предоставляемой как национальными статистическими службами стран, так и международными организациями (ООН), а также на социологических данных.

Сравнительный анализ динамики суммарного коэффициента рождаемости (среднего числа детей, рождённых одной женщиной) в Российской Федерации и Иране осуществляется на базе единого источника информации – данных Организации Объединённых Наций (ООН), отдел народонаселения) за период с 2000 по 2019 год. Для полноты и достоверности оценка дополняется официальными данными национальных статистических служб стран: Федеральной службы государственной статистики (Росстата) и Статистического центра Ирана.

Во многих научных исследованиях отмечалось падение рождаемости в России (Антонов А.И., Борисов В.А. Динамика населения России в XXI в. и приоритеты демографической политики [3]; Архангельский В.Н. Факторы рождаемости [4]; Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Рождаемость населения России и демографические волны [5]).

С 2019 года в Российской академии наук стали выпускаться ежегодные национальные демографические доклады, в которых представлен не только аналитический материал об особенностях текущей демографической ситуации в России, но и прогноз возможного влияния мер, обозначенных Президентом Российской Федерации в 2020 году, на перспективы демографического развития России по двум вариантам (сценариям) до 2050 года (Россия на пороге новой депопуляции: вызовы и пути предотвращения. Национальный демографический доклад [6]; Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад [7]; Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2020 [8]).

Среди исследователей, изучающих изменение репродуктивного поведения и его детерминант в Иране, следует выделить Аббаси-Шавази [9–11], Хоссейни-Чавоши [12]. Учёные использовали массивы данных медико-демографических обследований населения Ирана (Iran Demographic

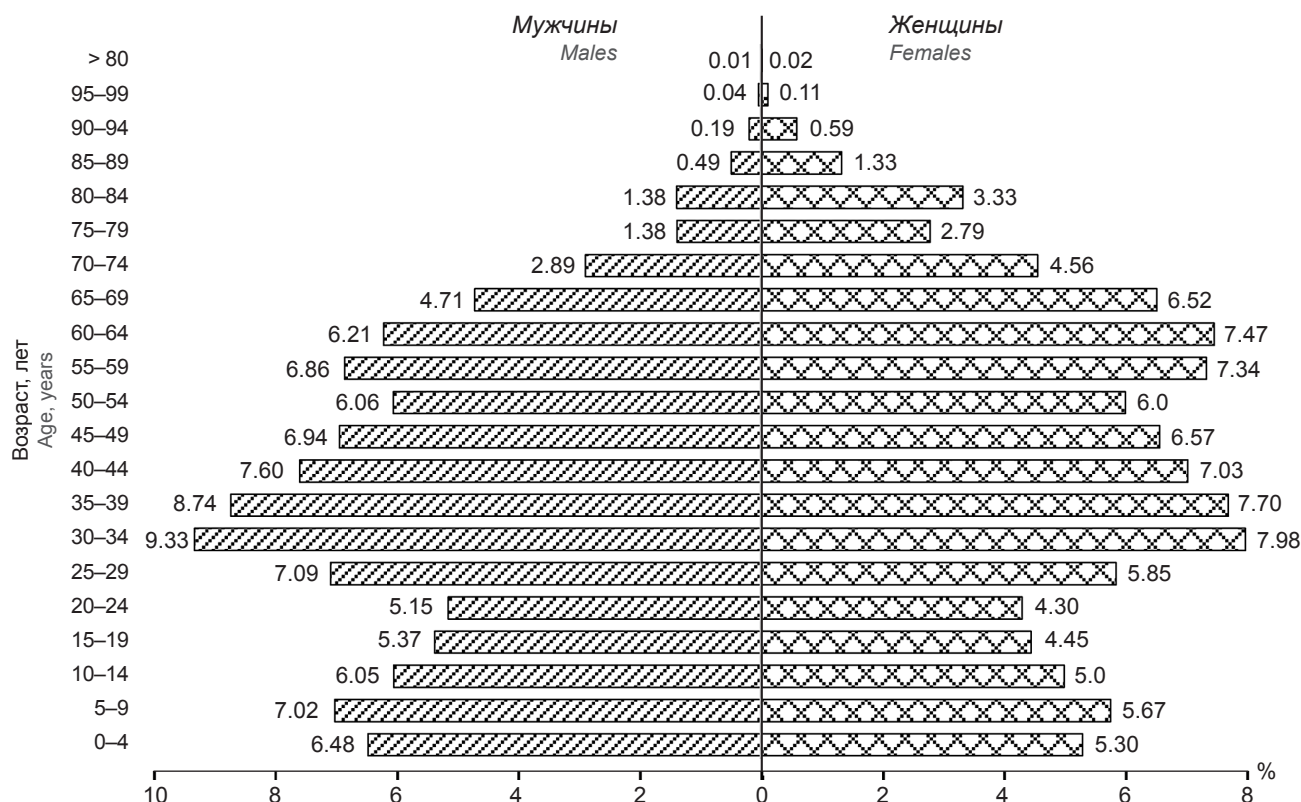

Рис. 1. Половозрастная пирамида населения России на 1 января 2020 г., %.

Fig. 1. Sex and age pyramid of the Russian population as of January 1, 2020, %.

and Health Survey) за 2000 и 2010 гг., анализируя рождаемость по очередности рождений для различных когорт. Результаты подтверждаются данными опросов об идеальном количестве детей в семье, которое в представлениях иранцев за последние два десятилетия значительно снизилось – примерно до 2–3 детей [13].

Результаты

С падением рождаемости из-за трансформации института семьи и изменениями ценностных установок на детей в России не обеспечивается даже простое воспроизводство населения (2,14–2,15 ребёнка на одну женщину репродуктивного возраста). Число родившихся в России, достигнув максимума в 2014 году (1942,7 тыс. человек), в последующие годы сокращалось. Наиболее значительным сокращением было в 2017 и 2019 гг.: 2015 год – 1940,6 тыс., 2016 год – 1888,7 тыс., 2017 год – 1690,3 тыс., 2018 год – 1604,3 тыс., 2019 год – 1481,1 тыс.

В этой связи в России проводится активная демографическая политика, в том числе реализуется национальный проект «Демография», направленный на «поддержку семей с детьми, активного долголетия и здорового образа жизни» [14]. Национальный проект «Демография» разработан в целях обеспечения достижения национальных целей Российской Федерации, утверждённых майским указом Президента в 2018 году. В настоящее время проведена корректировка/актуализация национальных целей с учётом текущей ситуации (сложная обстановка, прежде всего из-за распространения COVID-19, а также ряда внешних шоков, включая сохраняющуюся антироссийскую позицию Запада). В соответствии с Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» Правительству Российской Федерации поручено обеспечить устойчивый рост численности населения [15] (акцент на естественный рост, который был обозначен в майском указе, утратил силу).

Указанная корректировка при сложившейся демографической конъюнктуре (рис. 1), на наш взгляд, требовалась вне зависимости от пандемии: меньшая по численности когорта, находящаяся в активном репродуктивном возрасте в настоящее время, сформированная на базе численности рождённых в 1990-х годах, когда наблюдался низкий уровень рождаемости, не сможет при существующей двухдетной модели семьи обеспечить расширенное воспроизводство; уровень смертности при существенных вложениях в развитие медицины в обозримом будущем значимо не сократится, а скорее всего будет увеличиваться, так как в населении высокий уровень старения и вероятность умереть, естественно, существенно больше в старших возрастах, большая когорта по численности будет вымирать (более того, наибольшую опасность COVID-19 несёт людям в возрасте старше 60 лет, на них приходится 80% всех смертей [16]).

Среди целевых показателей национального проекта «Демография» оценке подлежит суммарный коэффициент рождаемости (число детей в расчёте на 1 женщину), который является годовым и представляется Росстатом 1 июня. Суммарный коэффициент рождаемости, по данным Росстата, в 2019 году составил 1,504 ед. (рис. 2). При этом необходимо отметить, что с 2009 года фиксировался ежегодный рост показателя, и его максимальная величина была достигнута в 2015 году – 1,777 (изменение помесечных чисел родившихся в 2016 году в сравнении с 2015 годом свидетельствует о том, что в январе–августе 2016 г. суммарный коэффициент рождаемости был ещё выше). В целом за 2016 год снижение суммарного коэффициента рождаемости по сравнению с 2015 годом было совсем небольшим (на 0,8%). На порядок больше его снижение было в 2017 году (на 8%). Существенно меньшее сокращение величины суммарного коэффициента рождаемости в 2018 году (на 2,6%) позволяло предполагать некоторое торможение его снижения. Однако в 2019 году он снизился в большей мере (на 4,7%), чем в 2018 году, и вернулся к уровню 2008 года.

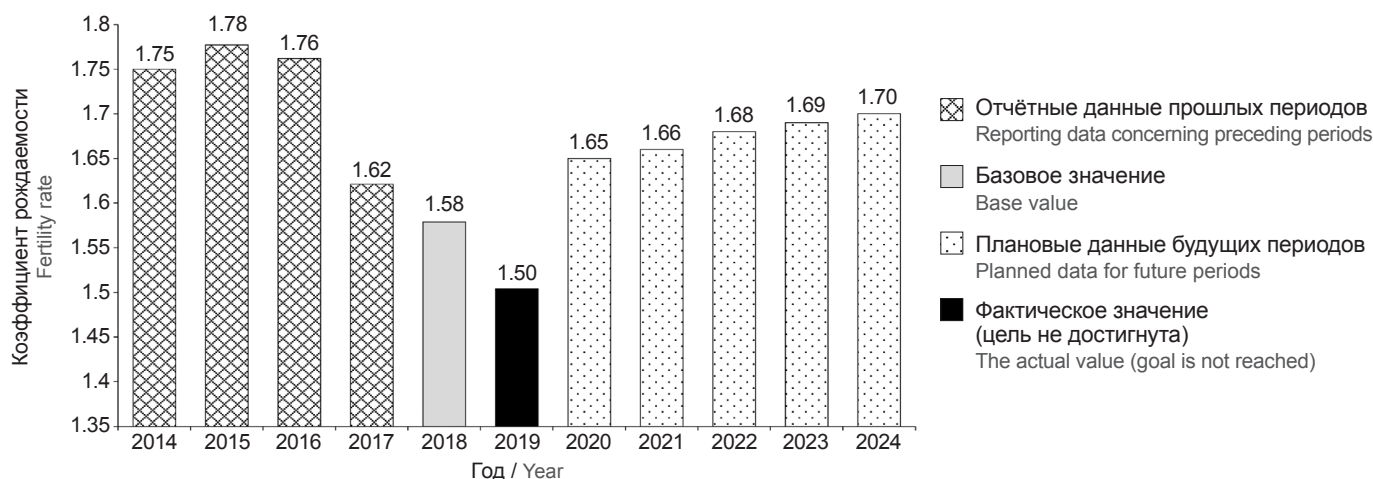

Рис. 2. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России, фактические значения за период с 2014 по 2019 год и плановые значения в соответствии с национальным проектом «Демография» на период с 2020 по 2024 год.

Fig. 2. The trend of the total birth rate in Russia, actual values for the period from 2014 to 2019 and planned values according to the national project "Demography" for the period from 2020 to 2024.

В соответствии с Паспортом национального проекта, утверждённым президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г., срок реализации – до 31 декабря 2024 г., в 2019 году значение суммарного коэффициента рождаемости должно было составить 1,63 ед. [17, 18] – фактически процент выполнения плана по показателю равен 92,27%, следовательно, цель не достигнута.

При этом отметим, что пандемия, бесспорно, внесёт свой вклад в изменение значений суммарного коэффициента рождаемости в 2020 году, что основано на имеющейся неблагоприятной динамике общих коэффициентов рождаемости и смертности в России. По данным Росстата [19], изменения численности родившихся в России в период с января по ноябрь 2020 г. показали, что ни в одном из месяцев не был зафиксирован рост в сравнении с соответствующим периодом 2019 года. В целом за период с января по ноябрь 2020 г. на 1000 населения приходилось в среднем 9,7 родившихся, в то время как за аналогичный период 2019 года – 10,2 родившихся (снижение на 4,9%).

Более того, результаты Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», проведённого в 2020 году научным коллективом под руководством Ростовской Т.К. [20], по данным которого выявлены представления о детности в семье, показали, что в России сформировалась двухдетная модель семьи, и осуществить

переход к многодетной семье представляется в современных условиях довольно сложной и, можно сказать, в ближайшие годы невыполнимой задачей. В российском обществе принята двухдетная модель семьи. Среди опрошенных, имеющих детей (в возрастах 30–39 и 40–50 лет), и среди мнений о желаемом числе детей два ребёнка – оптимальный/предпочтительный вариант (либо как свершившийся факт, либо в оценке на перспективу). При этом на трансформацию модели семьи не влияет наличие всех необходимых условий для рождения детей и их воспитания, она также остаётся двухдетной. Более того, среди основных факторов, не позволяющих иметь большее число детей, чем собираются, женщины указали материальные трудности (63,1% от ответивших), неуверенность в завтрашнем дне (63%). Это говорит о существующих проблемах для женщин, связанных прежде всего с возможностями гармонично сочетать рождение и воспитание ребёнка с участием в трудовой деятельности [21]. В условиях пандемии данные факторы лишь усилят своё негативное влияние на рождаемость.

Сопоставляя динамику суммарного коэффициента рождаемости России и Ирана, важно заметить, что, в отличие от России, в настоящее время в Иране достигнут уровень простого воспроизводства населения (рис. 3).

Следует отметить, что данные по суммарному коэффициенту рождаемости, представляемые ООН в период с 2017 по 2019 г. [22], отличаются от данных, представляемых

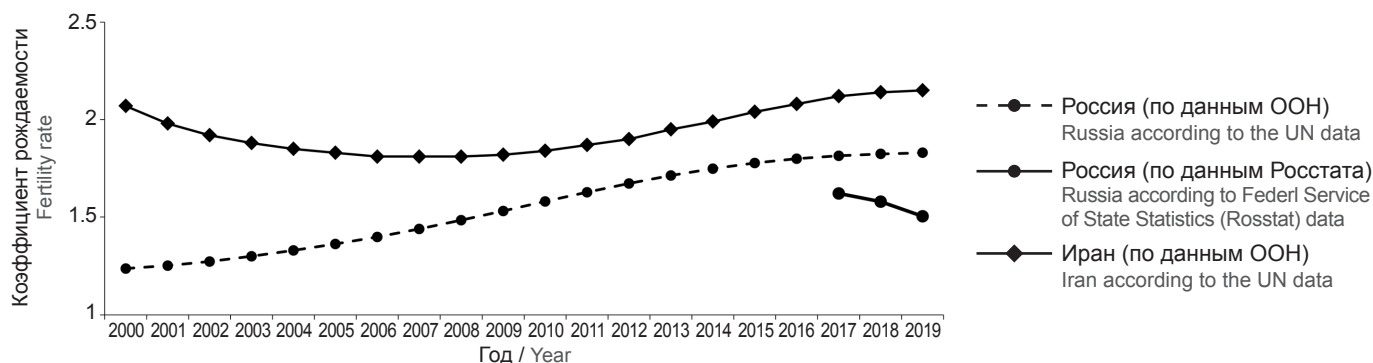

Рис. 3. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России и Иране за период с 2000 по 2019 год (число детей в расчёте на 1 женщину)*.

* Построено по данным ООН, отдел народонаселения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/development/desa/pd/data/world-fertility-data>

Fig. 3. Dynamics of the total fertility rate in the Russian Federation and Iran from 2000 to 2019 (number of children per 1 woman)*.

* Built according to UN data, Population Division [Electronic resource]. Access mode: <https://www.un.org/development/desa/pd/data/world-fertility-data>

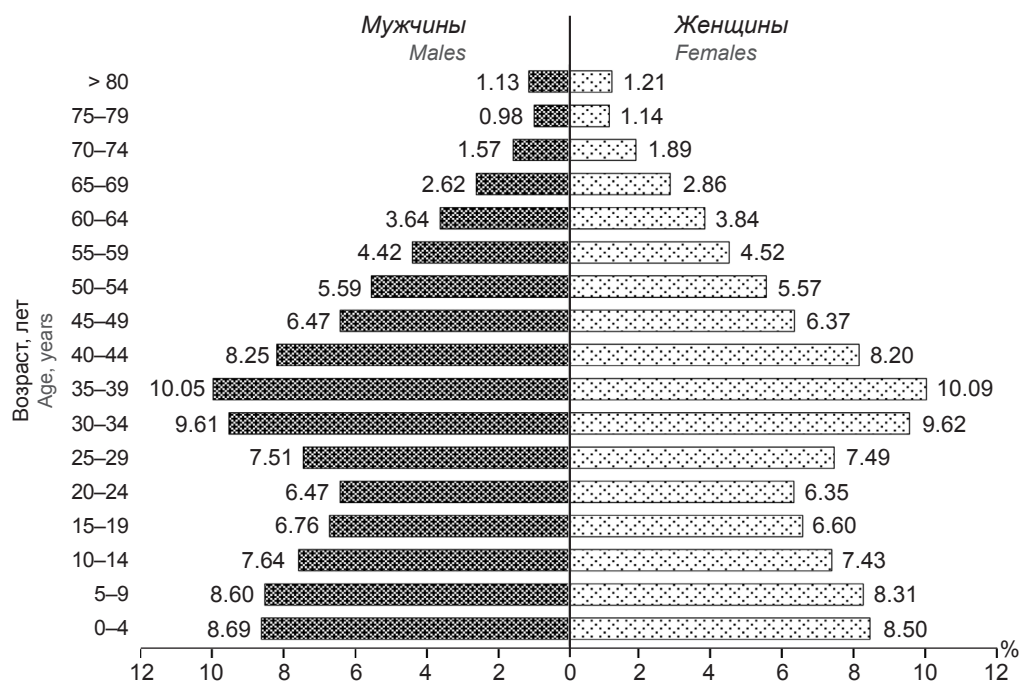

Рис. 4. Половозрастная пирамида населения Ирана на 1 января 2020 г., %.

Fig. 4. Sex and age pyramid of the population of Iran as of January 1, 2020, %.

Росстатом. ООН за указанный период производит оценку фертильности, в основе которой лежат расчёты, базирующиеся на официальных оценках возрастных коэффициентов рождаемости до 2016 года.

По регионам России ситуация сложилась следующим образом. Лидерами по суммарному коэффициенту рождаемости в 2019 году были Республика Тыва (2,724), Чеченская Республика (2,576) – расширенное воспроизводство населения. Для Ненецкого автономного округа (2,176) и Республики Алтай (2,114) характерно простое воспроизводство населения. В остальных регионах зафиксировано суженное воспроизводство населения, при этом самое низкое значение суммарного коэффициента рождаемости наблюдалось в Ленинградской области (1,075), Республике Мордовии (1,171) и Смоленской области (1,212). В среднем по России суммарный коэффициент рождаемости в сельской местности намного выше, чем в городе.

Значение суммарного коэффициента рождаемости в Иране в 2000 году позволяет (пусть с натяжкой) говорить о достигнутом уровне простого воспроизводства (2,07), однако начиная с 2001 года показатель на протяжении шести лет сокращается до отметки 1,81 в 2006 году. Только с 2009 года вновь фиксируется рост, который приводит в 2016 году к уровню выше, чем в 2000 году. В 2017–2019 гг., по данным ООН, значения показателя продолжают расти. Но, как и по России, данные по суммарному коэффициенту рождаемости Ирана в 2019 году, представляемые ООН, также отличаются от данных официальной статистики Ирана [22; 29], в соответствии с которой после небольшого повышения в последние годы наблюдалось уменьшение значений показателя, к 2019 году он составил примерно 1,8.

Минимальный суммарный коэффициент рождаемости в Иране наблюдался в провинции Гилян в 2017 (1,4), 2018 (1,3), 2019 (1,1) годах. Максимальный суммарный коэффициент рождаемости зафиксирован в провинциях Систан и Белуджистан – в 2017 (3,7), в 2018 (3,5), в 2019 (3,4) годах. Суммарный коэффициент рождаемости в провинции Тегеран был равен в 2017 году 1,7, в 2018 году – 1,6, в 2019 году – 1,3. За последние три года суммарный коэффициент рождаемости снизился во всех провинциях страны. В 2017 и 2018 гг. суммарный коэффициент фертильности в 17 про-

винциях Ирана был выше, чем средний коэффициент по стране, а в 2019 году – в 16 провинциях был выше, чем в среднем по стране.

Стоит отметить, что в целом в Иране состояние демографической конъюнктуры можно характеризовать как благоприятное (рис. 4).

Соответствующее репродуктивное поведение в Иране объясняется тем, что всё больше женщин получают образование, откладываются сроки вступления в брак и создания семьи, получает распространение планирование семьи и использование противозачаточных средств, меняется экономическое положение и его стабильность, растёт роль социальных сетей, снижается ценность брака и рождения детей [9–11]. Недавние исследования и общественные обсуждения проблемы вызвали обеспокоенность по поводу будущих последствий нынешней тенденции к снижению рождаемости и вызванного ею падения темпов роста населения Ирана [12]. Учитывая низкую рождаемость и её перспективы в Иране, Верховный лидер Исламской Республики Иран представил в мае 2014 года «Руководящие принципы демографической политики», на основе которых правительство должно проводить в числе прочих мер политику, способствующую вступлению в брак и рождению детей. Среди обсуждаемых мер по реализации новой политики – отмена программы планирования семьи Министерства здравоохранения Ирана, запрет пропаганды противозачаточных средств, более строгое применение закона против абортов, ужесточение правил, регулирующих стерилизацию, и усиление общественной поддержки молодых пар, матерей, бесплодных пар и многодетных семей. Руководящие принципы демографической политики также охватывают цели, касающиеся миграции, размещения населения, проблем населения и окружающей среды. Более общие их положения включают противодействие распространению западного образа жизни и укрепление ирано-исламской системы семейных отношений.

В Иране основным источником данных для анализа моделей рождаемости и репродуктивной динамики являются Обследования изменения рождаемости в Иране (Iran Fertility Transition Surveys (IFTS)), проведённые в нескольких провинциях Ирана в 2002 и 2017 гг. В 2002 году данное

исследование проводилось Тегеранским университетом совместно с Министерством здравоохранения, а в 2017 году – Национальным институтом демографических исследований совместно с Национальным институтом исследований в области здравоохранения при поддержке Министерства здравоохранения Ирана [10; 27; 28]. Исследование 2002 года охватывало четыре провинции: Систан и Белуджистан, Западный Азербайджан, Гилян и Йезд, а в 2017 году – те же провинции плюс Тегеран. Провинция Тегеран, столица Ирана, с населением около 13 миллионов человек, представляет собой мультикультурное сообщество, принимающее большое количество мигрантов со всего Ирана. Таким образом, его вклад в рост численности населения Ирана значительный. Три провинции: Тегеран, Гилян и Йезд – имеют высокие показатели социально-экономического развития, поэтому тенденции и модели рождаемости, существующие сегодня в этих провинциях, могут распространиться и в других провинциях по мере их социально-экономического развития. В каждой провинции распространена своя культура. Провинция Гилян, расположенная на севере, является развитой и имеет самый низкий уровень рождаемости среди всех провинций Ирана. Йезд расположен в центре Ирана и также имеет высокий уровень социально-экономического развития. В Йезде распространена консервативная религиозная культура, несмотря на высокий уровень социально-экономического развития. Две другие провинции, Западный Азербайджан, а также Систан и Белуджистан, расположены на северо-западе и юго-востоке страны соответственно. Уровень развития в этих двух провинциях ниже, чем в трёх других. Обе провинции этнически и религиозно отличаются от остальных трёх провинций. Комбинация выборки из этих различных в культурном и экономическом отношении провинций позволила выявить различия в уровнях рождаемости по стране.

Обсуждение

О влиянии пандемии на рождаемость однозначно говорить сложно, но влияние на семейные отношения очевидно. В частности, есть наблюдения, что в условиях самоизоляции семей увеличилось домашнее насилие [23], возможно увеличение расторгновения браков в краткосрочной перспективе.

В части научного мониторинга демографических последствий пандемии COVID-19 необходимо:

- во-первых, обосновать подходы к статистическому учёту демографических событий (прежде всего, смертности и миграции), а также фактические и потенциальные социально-демографические последствия пандемии COVID-19 (рост сверхсмертности, снижение миграционной мобильности, рост разводимости) в России и Иране с учётом международных стандартов и подходов других государств. Пандемия COVID-19 вскрыла новые проблемы в подходах к регистрации причин смертности населения, утверждённых на международном уровне. Это требует научной проработки и внесения изменений в структуру причин смерти на межгосударственном и национальном уровнях. Данный результат будет получен на основе анализа первичных свидетельств о смерти в случае умерших от COVID-19 (как диагноз) и с COVID-19 (как с сопутствующим заболеванием, обострившим иные болезни и приведшим к смерти) [24] и разработке рекомендаций по совершенствованию системы статистического учёта фактов смерти;
- во-вторых, рассчитать вклад пандемии COVID-19 в усугубление депопуляции (второй волны депопуляции) в России. Понятие «депопуляция» характеризует стабильное сокращение численности населения, которое в свою очередь обусловлено падением рождаемости из-за трансформации института семьи и изменения цен-

ностных установок на детей [25]. В результате в стране не обеспечивается даже простое воспроизводство населения. Как правило, депопуляция сопровождается сокращением численности населения [26]. На протяжении длительного времени, с 1993 по 2008 год, в стране отмечалось сокращение численности населения, росла смертность, сокращалась рождаемость, а миграционный прирост не мог компенсировать демографические потери, размер которых был сопоставим с войной. Реализация мер демографической политики, которая началась в 2006–2007 гг., помогла отчасти стабилизировать ситуацию, и Россия вышла на позитивную демографическую динамику к 2008 году, когда общий прирост населения стал нулевым и затем положительным (исключительно за счёт миграционного прироста, который перекрывал естественную убыль населения), а в 2013 году был отмечен естественный прирост населения на уровне 22,9 тыс. человек (число родившихся – 1901,2 тыс. – впервые за многие годы превысило число умерших – 1878,3 тыс. человек). То есть депопуляция в России была приостановлена в 2013–2015 гг. Однако в 2016 году Россия вступила в новую депопуляцию («вторую волну депопуляции»). Именно в этом году была отмечена естественная убыль населения в объёме 2,3 тыс. человек, в то время как в предыдущие годы отмечался естественный прирост населения. Далее «маховик» естественной убыли населения стал раскручиваться: в 2017 году убыль составила 134,4, в 2018 году – 218,4, в 2019 году – 316 тыс. человек. Нами предложен и обоснован термин «вторая волна депопуляции» как характеристика демографического развития российского общества с 2016 года. Данный этап характеризуется новым витком сокращения рождаемости по причинам углубления негативных изменений возрастной структуры населения и исчерпания резервов рождаемости, обусловленных воздействием мер материнского капитала (с 2007 года), позволившим многим российским семьям реализовать отложенные рождения. Пандемия COVID-19 стала новым фактором депопуляции в России, прежде всего из-за роста смертности и снижения миграционной мобильности населения. Новая волна депопуляции в России происходит под двойным давлением: с одной стороны, это традиционные факторы изменения демографических тенденций, а с другой стороны, экстремальное действие фактора пандемии COVID-19;

- в-третьих, необходимо реализовать новое направление исследований, связанное с разработкой рекомендаций и новых подходов к управлению демографическими процессами в условиях пандемии COVID-19. В частности, в ходе пандемии действия властей носят зачастую экспериментальный характер или являются «калькой» с действий других государств без учёта реальных социально-демографических характеристик и этнокультурных особенностей населения стран и регионов. Большинство мер реакции на пандемию в России и Иране не учитывало специфику половозрастной структуры населения, этнический и религиозный состав населения, особенности миграционной мобильности, число временных и учебных трудовых мигрантов и особенностей их расселения. В результате отсутствие объективных социально-демографических данных не способствовало реализации успешной политики предотвращения распространения инфекции. Необходима разработка рекомендаций по предотвращению распространения COVID-19, опирающихся на региональную, этническую, религиозную и демографическую специфику стран и регионов. Важно уйти от понятия «социальная дистанция» к понятию «физическая дистанция», что будет способствовать международной кооперации и консолидации общества в борьбе с пандемией COVID-19.

Заклучение

В современном мире пандемия COVID-19 неожиданно явилась новым фактором изменения демографической ситуации каждой страны мира, Россия и Иран не стали исключением. Это определяет необходимость грамотной организации мониторинга и его результатов, которые будут давать детальную картину влияния пандемии COVID-19 на демографические параметры России и Ирана, а также способствовать координации действий государств по реагированию и формированию эффективных ответов на вызовы, которые возникают в результате пандемий в сфере демографической и миграционной политики. При этом особое внимание при

организации мониторинга должны занимать социологические исследования, позволяющие получить более полную информацию для анализа детерминации рождаемости, чем представляется возможным на основе официальной статистической информации о рождаемости. Именно результаты социологических исследований дают возможность получить характеристику репродуктивных ориентаций населения, что подтверждается данным исследованием и является значимым для выявления детерминант репродуктивного поведения, особенностей механизмов действия и взаимодействия различных факторов в обществах с разным уровнем рождаемости, с различающимися социально-культурными и социально-экономическими условиями.

Литература

(п.п. 9–12, см. References)

1. Указ Президента Российской Федерации № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». М.; 2007. Доступно: <https://kremlin.ru/acts/bank/26299>
2. Золотарева О.А. К вопросу мониторинга национального проекта «Демография» и оценки демографической безопасности Российской Федерации. *Экономические стратегии*. 2021; 176(2): 45–51.
3. Антонов А.И., Борисов В.А. *Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики*. М.: Ключ-С; 2006.
4. Архангельский В.Н. *Факторы рождаемости*. М.: ТЕИС; 2006.
5. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Рождаемость населения России и демографические волны. *Народонаселение*. 2017; (4): 56–66.
6. Архангельский В.Н., Воробьева О.Д., Иванова А.Е., Ростовская Т.К., Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В. и соавт. *Россия на пороге новой депопуляции: вызовы и пути предотвращения. Национальный демографический доклад*. М.: Экон-информ; 2019.
7. Рязанцев С.В., Архангельский В.Н., Воробьева О.Д. *Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад – 2020*. М.: Объединенная редакция; 2020.
8. Ростовская Т.К., Шабунова А.А. *Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2020*. М.: Перспектива; 2021.
13. Рязанцев С.В., Ростовская Т.К. Демографический переход и новая пронаталистская политика в Иране. В кн.: *I Российско-Иранский социологический форум. Сборник тезисов докладов участников форума*. М.: Перспектива; 2020.
14. Национальный проект «Демография». Доступно: <https://национальныепроекты.рф/projects/demografiya>
15. Указ Президента РФ № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». М.; 2020. Доступно: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>
16. Коронавирус – какой возраст наиболее уязвим. Доступно: <https://koronavirustoday.ru/info/koronavirus-kakoj-vozrast-naibolee-uyazvim/>
17. Паспорт национального проекта «Демография». Доступно: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography>
18. Счётная палата Российской Федерации. Национальный проект «Демография». Доступно: https://ng.ach.gov.ru/nt-0003-report?j&NT_targetFilter=2&NT_indicatorFilter=1388&nt_period=2020-01-28T00:00:00.000Z&lang=ru¶mNP=P
19. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации (Росстат). Оперативные демографические показатели за январь–ноябрь 2020 года. Доступно: <https://rosstat.gov.ru/>
20. Кучмаева О.В., Ростовская Т.К. Методология проведения всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России». В кн.: *Социальные процессы современной России*. Нижний Новгород; 2020: 52–7.
21. Золотарева О.А. Социально-демографические цели в условиях цифровизации: гендерный аспект. В кн.: *Российский экономический конгресс «РЭК-2020». Том XIII. Тематическая конференция «Демография и пенсионные системы» (сборник материалов)*. М.; 2020: 105–9. https://www.econorus.org/pdf/Volume13_REC-2020.PDF
22. ООН. Отдел Народонаселения. Доступно: <https://www.un.org/development/desa/pd/data/world-fertility-data>
23. Домашнее насилие в условиях COVID-19 в России. Доклад семи организаций по защите прав женщин. Доступно: <https://www.asi.org.ru/wp-content/uploads/2020/07/Doklad-o-domashnem-nasilii-v-usloviyah-COVID-19-v-Rossii-2020-god.pdf>
24. Национальная организация регистрации актов гражданского состояния Ирана. Доступно: <https://www.sabteahval.ir>
25. Осипова И. Репродуктивные установки россиян и отношение к государственным мерам поддержки рождаемости. *Демографическое обозрение*. 2020; 7(2): 97–120.
26. Рыбаковский Л.Л. 20 лет депопуляции в России. Доступно: <https://rybakovsky.ru/dem1/demografiya.html>
27. Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Воробьева О.Д. *Атлас социально-демографического развития России и Ирана*. М.: Перспектива; 2020. <https://испи.рф/wp-content/uploads/2020/12/Атлас-социально-демографического-развития-России-и-Ирана.pdf>
28. Рязанцев С.В., Брагин А.Д., Мехди А., Архангельский В.Н. Тенденции демографического развития Ирана. *Научное обозрение. Серия I. Экономика и право*. 2020; (1–2): 21–31.
29. Статистический центр Ирана. Доступно: <https://www.amar.org.ir>

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 1351 «On approval of the Concept of the demographic policy of the Russian Federation for the period up to 2025». Moscow; 2007. Available at: <https://kremlin.ru/acts/bank/26299> (in Russian)
2. Zolotareva O.A. On the issue of monitoring the national project «Demography» and assessing the demographic security of the Russian Federation. *Economicheskije strategii*. 2021; 176(2): 45–51. (in Russian)
3. Antonov A.I., Borisov V.A. *Dynamics of the Population of Russia in the XXI Century and the Priorities of Demographic Policy [Dinamika naseleniya Rossii v XXI v. i prioritety demograficheskoy politiki]*. Moscow: Klyuch-S; 2006. (in Russian)
4. Arkhangel'skiy V.N. *Fertility Factors [Faktory rozhdaemosti]*. Moscow: TEIS; 2006. (in Russian)
5. Rybakovskiy O.L., Tayunova O.A. The birth rate of the population of Russia and demographic waves. *Narodonaselenie*. 2017; (4): 56–66. (in Russian)
6. Arkhangel'skiy V.N., Vorob'eva O.D., Ivanova A.E., Rostovskaya T.K., Rybakovskiy L.L., Ryazantsev S.V., et al. *Russia on the Threshold of New Depopulation: Challenges and Ways of Prevention. National Demographic Report [Rossiya na poroge novoy depopulyatsii: vyzovy i puti predotvrashcheniya. Natsional'nyy demograficheskij doklad]*. Moscow: Econ-inform; 2019. (in Russian)
7. Ryazantsev S.V., Arkhangel'skiy V.N., Vorob'eva O.D. *Demographic Development of Russia: Trends, Forecasts, Measures. National Demographic Report – 2020 [Demograficheskoe razvitie Rossii: tendentsii, prognozy, меры. Natsional'nyy demograficheskij doklad – 2020]*. Moscow: Ob'edinennaya redaktsiya; 2020. (in Russian)
8. Rostovskaya T.K., Shabanova A.A. *Demographic well-being of Russian regions. National Demographic Report 2020 [Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii. Natsional'nyy demograficheskij doklad – 2020]*. Moscow: Perspektiva; 2021. (in Russian)
9. Razeghi-Nasrabad H.B., Abbasi-Shavazi M.J., Moeinifar M. Are we facing a dramatic increase in voluntary and involuntary childlessness in Iran that leads to lower fertility? *Crescent Journal of Medical and Biological Sciences*. 2020; 7(2): 212–9.
10. Razeghi-Nasrabad H.B., Abbasi-Shavazi M.J. Ideal fertility in Iran: A systematic Review and Meta-analysis. *International Journal of Women's Health and Reproduction Sciences*. 2020; 8(1): 10–8. <https://doi.org/10.15296/ijwhr.2020.02>
11. Abbasi-Shavazi M.J., Jones G. Population dynamics and human capital in muslim countries. *Vienna Yearbook of Population Research*. 2018; 16: 1–25.
12. Hosseini-Chavoshi M., Abbasi-Shavazi M.J., McDonald P. Fertility, marriage, and family planning in Iran: implications for future policy. *Population Horizon*. 2017; 13(1): 1–10.
13. Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K. Demographic transition and new pronatalist politics in Iran. In: *1st Russian-Iranian Sociological Forum. Collection of Abstracts of the Forum Participants [I Rossijsko-Iranskiy sotsiologicheskij forum. Sbornik tezisov dokladov uchastnikov foruma]*. Moscow: Perspektiva; 2020. (in Russian)

14. National project «Demography». Available at: <https://nationalprojects.rf/projects/demografiya> (in Russian)
15. Decree of the President of the Russian Federation № 474 «On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030». Moscow; 2020. Available at: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (in Russian)
16. Coronavirus – what is the most vulnerable age. Available at: <https://koronavirustoday.ru/info/koronavirus-kakoj-voznrast-naibolee-uyazvim/> (in Russian)
17. Passport of the national project «Demography». Available at: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (in Russian)
18. The Accounts Chamber of the Russian Federation. National project «Demography». Available at: https://ng.ach.gov.ru/nt-0003-report?j&NT_targetFilter=2&NT_indicatorFilter=1388&nt_period=2020-01-28T00:00:00.000Z&lang=ru¶mNP=P (in Russian)
19. Federal State Statistics Service of the Russian Federation (Rosstat). Operational demographics for January–November 2020. Available at: <https://rosstat.gov.ru/> (in Russian)
20. Kuchmaeva O.V., Rostovskaya T.K. Methodology for conducting the all-Russian sociological research «Demographic well-being of Russia». In: *Social Processes of Modern Russia [Sotsial'nye protsessy sovremennoy Rossii]*. Nizhny Novgorod; 2020: 52–7. (in Russian)
21. Zolotareva O.A. Socio-demographic goals in the context of digitalization: gender aspect. In: *Russian Economic Congress «REC-2020». Volume XIII. Thematic Conference «Demography and Pension Systems» (Collection of Materials) [Rossiyskiy ekonomicheskii kongress «REK-2020». Tom XIII. Tematicheskaya konferentsiya «Demografiya i pensionnye sistemy» (sbornik materialov)]*. Moscow; 2020: 105–9. Available at: https://www.econorus.org/pdf/Volume13_REC-2020.PDF (in Russian)
22. United Nations. Population Division. Available at: <https://www.un.org/development/desa/pd/data/world-fertility-data> (in Russian)
23. Domestic violence in the context of COVID-19 in Russia. Report of seven organizations for the protection of women's rights. Available at: <https://www.asi.org.ru/wp-content/uploads/2020/07/Doklad-o-domashnem-nasilii-v-usloviyah-COVID-19-v-Rossii-2020-god.pdf> (in Russian)
24. National Civil Registration Organization of Iran. Available at: <https://www.sabteahval.ir> (in Russian)
25. Osipova I. Reproductive attitudes of Russians and attitudes towards government measures to support the birth rate. *Demograficheskoe obozrenie*. 2020; 7(2): 97–120. (in Russian)
26. Rybakovskiy L.L. 20 years of depopulation in Russia. Available at: <https://rybakovsky.ru/dem1/demografia.html> (in Russian)
27. Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K., Vorob'eva O.D. *Atlas of Socio-Demographic Development of Russia and Iran [Atlas sotsial'no-demograficheskogo razvitiya Rossii i Irana]*. Moscow: Perspektiva; 2020. Available at: <https://ispi.rf/wp-content/uploads/2020/12/Atlas-social-demographic-development-Russia--Irana.pdf> (in Russian)
28. Ryazantsev S.V., Bragin A.D., Mekhdi A., Arkhangel'skiy V.N. Demographic trends in Iran. *Nauchnoe obozrenie. Seriya I. Ekonomika i pravo*. 2020; (1–2): 21–31. (in Russian)
29. Statistical Center of Iran. Available at: <https://www.amar.org.ir> (in Russian)